

Моему папе посвящаю

Итак, когда автобус останавливался на остановке «Силикатный завод», мы выгружались всей гурьбой и по обочине шли к заветному озеру. Иногда нас с шумом обгоняли грузовые машины, везшие силикатный кирпич, а еще реже — легковушки, мчавшиеся куда-то за город.

Топать до озера оставалось минут десять-пятнадцать, и, чтобы избежать недоразумений с проезжавшими мимо автомобилями, папа уводил нас с трассы на протоптанную тропу, которая вела вдоль дороги в сторону озера через поросшие травами намывные пески. И вот тут-то начиналось настоящее приключение. Мы продирались через джунгли ивняка, хвоща, дикого хмеля, зарослей ежевики, крапивы, чертополоха, лопуха и еще каких-то растений, названий которых я не знаю по сей день.

Там, под дорогой, всегда стоял особый запах — озерно-травянисто-знойный. Там не было слышно гула пролетающих машин и разговоров проходивших мимо людей. Именно там в лучах утреннего солнца, теперь мне кажется, было самое настоящее детство. Ты погружался в мир фантазии, отправившись на секретное задание. Боролся с исполинскими и диковинными растениями, которые преграждали путь к заветному озеру. Собирал ежевику и, выломав прут, который становился твоим несокрушимым оружием, направо и налево беспощадно рубил головы хищной крапиве. И в этой беспринципной борьбе всегда сохранялось чувство опасности. Ведь враг

коварен и хитер, он так и норовит ужалить — или, хуже того, выскочить сзади в виде неизвестного науке монстра и напасть, мстя за «погибших братьев».

Папа всегда шел впереди, как старший и указывающий направление, сестра за ним, ну а я плелся сзади, ведь пять моих шагов приравнивались к одному папиному и трем сестринским. Папа всегда жил ожиданием приключения и охоты, поэтому сборы на озеро начинались еще с вечера предыдущего дня. Адреналин и предвкушение встречи с подводным миром захлестывали его, и он, в силу своего взрывного холерического темперамента, суетился, подгонял нас, покрикивал и ускорял шаг. Чтобы поспеть за ним, нам приходилось ускоряться, идти быстрее, подбегать, что усиливало ощущение опасности от неизвестных чудовищ еще больше. То, что чудовища в этих зарослях существовали, было неоспоримо, ведь по пути мы встречали огромных слизняков, их следы на листьях растений или большие паутины, сплетенные пауками-крестовиками. В этих паутинах искрились капельки росы, а ужасного вида пауки сидели в центре своего паутинового царства и поджидали, когда кто-нибудь попадет в ловко расставленные сети, чтобы впрыснуть жертве смертельный яд. Для нас это были самые малые из всех ужасных чудищ, которые нам попадались. И если не страх, то отвращение и брезгливость они внушали со стопроцентной гарантией.

Так мы пробирались к заветному озеру и, чтобы скоротать время между борьбой с чудовищами и нашей конечной целью, затачивали походные песни. Нехитрый репертуар состоял из того, что мы разучивали в детском саду, школе или просто дома с родителями: песен из детских мультфильмов и телевизионных фильмов и песен о героях Гражданской войны. Так было веселее, дружнее, радостнее и интереснее.

Я вспоминаю, что чаще всего мы пели песню из мультфильма «Трям! Здравствуйте!». Запевалой по команде папы выступали сестра или я. Тогда под сенью старых тополей на заросшей солнечной тропе раздавалось детское:

Мимо белого яблока луны,
Мимо красного яблока заката
Облака из неведомой страны
К нам спешат и опять бегут куда-то.

Тут папа подхватывал припев, и мы уже все вместе, стараясь попадать в тон, в три голоса затачивали:

Облака — белогривые лошадки!
Облака, что вы мчитесь без оглядки?
Не смотрите вы, пожалуйста, свысока,
А по небу прокатите нас, облака!

Я почему-то всегда очень отчетливо, до мелочей, представлял красное яблоко заката — как оно висит в воздухе где-то справа сверху над нами, настолько высоко, что мы его не можем увидеть. Но раз о нем написали, значит, оно непременно есть. И оно, и облака, на которых мы сидим, как на лошадях, и куда-то мчим. А когда доходили до строчки «А по небу прокатите нас, облака...», мне всегда представлялось, что эти облачные кони нас прокатят по кругу — обязательно по кругу.

Все это настолько ясно врезалось мне в память и отложилось в моем подсознании, что даже теперь я отчетливо помню каждую деталь, каждый камень, каждое дерево с белой известковой полосой вокруг ствола и гул пролетающей машины.

Иногда мы затачивали совсем не детскую, но любимую мною песню о командире времен Гражданской войны — Николае Щорсе.

Песню эту мы разучили в детском саду, тогда много разных песен разучивали. Она мне нравилась, тем более что в нашем походном трио право запевать и петь ее принадлежало исключительно мне. Видимо, только один я знал почти все слова. Папа выбирал репертуар и говорил: «Ну, да-

вай!» — и вот тогда с чувством собственного достоинства и важности я затачивал:

Шел отряд по берегу,
Шел издавека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Э-э-э, командир полка!

Папа помогал мне только на строчке «Э-э-э, командир полка». Видимо, из моих уст эта песня о доблестном воине Гражданской войны звучала особенно трогательно, поэтому никто не решался меня перебивать.

Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой земле.
Э-э-э, по сырой земле...

Тут на смену всем словам, куплетам и мотивам приходила моя фантазия. Я всегда очень четко представлял (и живо представляю по сей день), как отряд потрепанных красноармейцев, неся на импровизированных носилках командира с перебинтованной головой, бредет по мокрому песку вдоль самой кромки воды. Через влажный речной песок, как бы из-под земли, проступает кровавый след. И идут они непременно вдоль берега Десны, именно по берегу этой реки: ни по какой другой они идти не могут. Картина, бесспорно, трогательная. Мне эта песня нравилась своей образностью. Если белогривые лошадки у меня вызвали приступ грусти и детского одиночества, то Щорс — чувство выносливости и борьбы с трудностями, тем более что дальше по тексту рассказывалось о нелегкой жизни батраков.

Но сильнее всего в моей памяти отложился большой чертополох на тропе.

Я хорошо запомнил его высокий стебель с огромным розовым бутонем. Естественно, я плелся сзади, сражаясь со всеми, кто попадался мне на пути, и вдруг справа от меня — огромный колючий цветок розового цвета. Я помню, как солнце играло с его листьями и пробивалось сквозь еще не до конца раскрывшийся бутон. Солнечные зайчики, выглядывающие из-за бутона, паутину, зацепившаяся за колючие листья... На фоне травяных подорожных джунглей он казался особенным. Чувство, которое меня охватило, поймет только ребенок, но я попробую его описать: утро, солнце, подмигивающее мне и выглядывающее из-за бутона, мохнатые, колючие листья с капель-

ками росы, восторг и ужас от вида этого цветка. Чувство детской и чистой радости. И чувство абсолютного счастья на дороге солнца.

И вот теперь, когда планета вертится с бешеной скоростью, когда уже не осталось ни тополей, ни старой дороги, когда в душе порой поселяются страх и отчаяние, а от самого озера остался разве что небольшой перешеек и берега его застроены коттеджами, я иногда возвращаюсь на ту полужареную, залитую утренним солнцем тропу и вспоминаю утро одного из летних месяцев 198... года. И тихо, чтобы никто не услышал, вместе с маленьким мной, моей шепотливой непоседой-сестрой и счастливым папой напеваю вполголоса или в уме: «Облака — белогривые лошадки...», идя вслед за ними дорогой солнца. Я иду чуть поодаль, чтобы они не заметили меня, а я не спугнул их. Я вижу, как они проходят мимо огромного растения и как маленький мальчик в коротеньких шортах, с прямыми, словно солома, каштановыми волосами, рассматривает его со всех сторон, разинув рот. Подождав, пока он, счастливый и

беззаботный, побежит вслед за папой и сестрой, я останавливаюсь возле огромного цветка чертополоха и тоже смотрю на него. И мне, как в детстве, становится радостно, спокойно и хорошо на душе. Я провожаю их взглядом, потому что дальше мне идти нельзя. Я знаю это. Я смотрю на мой чертополох, а он своим огромным розовым бутонем обращен ко мне. Я благодарю его за то, что он сохранил для этого мальчугана в шортах дорогу солнца и тропу счастья, а он меня — за то, что мальчуган не сразил его своим всепобеждающим мечом. Я смотрю им вслед, смотрю, как они уходят, счастливые и легкие, как они исчезают среди летних трав и зарослей ежевики, как напевают в три голоса:

Мы помчимся в заоблачную даль
Мимо гаснущих звезд на небосклоне.
К нам неслышно опустится звезда
И ромашкой останется в ладони!

3–6 ноября 2015 года

